

© 2017 г.

А.Ю. ВАТЛИН

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ И ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1918 года

Ватлин Александр Юрьевич — доктор исторических наук, профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Череда столетних юбилеев исторических событий, ставших начальным рубежом новейшей истории, была открыта Российской революцией и завершается датой окончания Первой мировой войны. Между мартом 1917 г. и ноябрем 1918 г. общественный прогресс приобрел такую динамику, что по своей насыщенности эти полтора года несравнимы ни с каким иным периодом отечественной и мировой истории. Именно тогда очевидная общность судеб России и Европы приобрела новые измерения, тренд исторического прогресса «с Запада на Восток» был дополнен вектором противоположного направления.

Автор не ставит целью дать всеобъемлющий обзор советско-германских отношений после того, как Брестский мир (3 марта 1918 г.) подвел черту под историей военного противостояния двух стран, а в Берлине и Москве появились дипломатические представительства Советской России и кайзеровской Германии. Этому посвящены и классические издания документов, и солидные монографии¹. В центре внимания автора статьи — новые пути и методы внешней политики, которые пытались найти или претворить в жизнь лидеры большевистской партии, завоевавшие государственную власть, но продолжавшие считать себя в гораздо большей степени революционерами, нежели государственными деятелями и дипломатами. Хотя им приходилось иметь дело и с военным руководством Германии, и с лидерами деловых кругов, особые отношения связывали их с немецкими левыми социалистами, поддержка которых рассматривалась в Москве как продвижение вперед мировой пролетарской революции.

Если дипломатическая сторона советско-германских отношений, и прежде всего предыстория Брестского мира, изучена во всех деталях и нюансах, то ее соотношение с «революционной работой», о которой скупно сообщал в своих донесениях советский полпред в Берлине А.А. Иоффе, все еще остается одним из «белых пятен» советской истории. Начиная с 90-х годов прошлого века подобные темы исчезли из поля зрения российских историков, несмотря на то, что падение идеологических шор и доступ в архивы открыли качественно новые возможности для исследований. В результате сложилась парадоксальная ситуация: политические доклады и дипломатические

¹ *Rosenfeld G.* Sowjetrussland und Deutschland 1917–1922. Berlin, 1960; *Чубарьян А.О.* Брестский мир. М., 1964; *Baumgart W.* Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges. Wien – München, 1966; Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора. Т. 1. 1917–1918. М., 1968; *Linke H.G.* Deutsch-sowjetische Beziehungen bis Rapallo. Köln, 1970; Von Brest-Litowsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman. März bis November 1918. Göttingen, 1971; *Geyer D.* Sowjetrussland und die deutsche Arbeiterbewegung 1918–1932. – Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte, 1976, № 1.

депеш Иоффе были опубликованы в ФРГ в переводе на немецкий язык²; отечественным же историкам они доступны только как архивные документы. Единственная солидная работа, в которой на основе российских архивов раскрываются отношения большевиков и их немецких единомышленников — «спартаковцев» — в 1918 г., также принадлежит перу не российского, а германского историка³.

Источниковой базой статьи стала коллекция Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), а именно: документы бывшего архива РКП(б)-ВКП(б)-КПСС; а также материалы Архива внешней политики РФ. Наряду с дипломатической и внутренней перепиской лидеров большевистской партии, часть которой опубликована⁴, в статье использованы их публицистические работы и выступления. Особо следует отметить воспоминания полпреда Иоффе о своей дипломатической деятельности в Берлине, написанные по горячим следам событий, — в начале 1919 г.⁵ Свидетельства о политической борьбе «спартаковцев» накануне революции 1918 г. в гораздо большей степени представлены в российских, нежели в немецких архивах. Часть из них была опубликована еще в межвоенный период⁶.

Реакцию германской политической элиты на внешнюю политику ленинского правительства и деятельность советского полпредства в Берлине позволяют реконструировать документы Политического архива министерства иностранных дел (МИД) ФРГ. Германским генералам и сотрудникам внешнеполитического ведомства на первых порах нелегко было привыкнуть к «дипломатам в лаптях»⁷, которые не стеснялись реализовывать на практике свои представления о будущем. Именно большевики, о которых мало кто слышал в Европе до начала Российской революции, после захвата власти первым делом осуществили то, о чем, как это ни парадоксально, мечтал и немецкий Генеральный штаб, и миллионы русских крестьян, одетых в солдатские шинели — немедленный выход России из войны.

Вслед за перемирием на западном (для Германии — на восточном) фронте представители советского правительства начали мирные переговоры. Идея «всеобщего мира без аннексий и контрибуций» не нашла поддержки правящих кругов стран Антанты, для которых самовольный выход России из войны был «предательством», а большевики — «кучкой немецких шпионов». В результате на переговоры в Бресте прибыли только делегации стран Четверного союза, военно-политическое преимущество которых заставило В.И. Ленина принять условия не только сепаратного, но и «грабительского», даже «похабного» мира⁸.

После его подписания правящие круги Германии и Австро-Венгрии довольно потирали руки: границы России откатились до Курска и Таганрога, на западных окраинах бывшей Российской империи возникла цепь марионеточных государств, подконтрольных Берлину. Германская военщина оправдывала грабительские условия мира тем, что заключался он не с Россией, а с большевиками, которые, с их точки зрения, ни в грош не ставили интересы собственной страны. Генерал-квартирмейстер (заместитель начальника кайзеровского генштаба) генерал пехоты Э. фон Людендорф не удержался от лицемерных вздохов («мне не по сердцу было унижение России»),

² A.A. Joffe und die russische Außenpolitik. Unveröffentlichte Dokumente. — Berliner Jahrbuch für osteuropäische Geschichte, Bd. 1—2, Berlin, 1995—1996. Последнее из опубликованных донесений Иоффе датировано 28 июля 1918 г.

³ Luban O. Russische Bolschewiki und deutsche Linkssozialisten am Vorabend der deutschen Novemberrevolution. Beziehungen und Einflussnahme. — Jahrbuch für historische Kommunismusforschung 2009. Berlin, 2009, S. 283—298.

⁴ Большевистское руководство. Переписка. 1912—1927. М., 1996.

⁵ Иоффе А.А. Германский пролетариат накануне революции. — Вестник жизни, 1919, № 5, с. 32—34; *его же*. Германская революция и Российское посольство. — Там же, с. 36—46.

⁶ «Спартак» во время войны. Документы и нелегальные листовки союза «Спартак» во время войны. М., 1933.

⁷ Гофман М. Война упущенных возможностей. СПб., 2016, с. 216.

⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 98, 100, 102, 106.

но настаивал на том, что к весне 1918 г. такой страны больше не существовало⁹. Начальник штаба главнокомандующего германским Восточным фронтом принца Леопольда Баварского генерал-майор Макс Гофман, контролировавший ход переговоров в Брест-Литовске, на первых порах вел их в спокойном темпе, ибо считал, что советское правительство оказалось в безвыходном положении. «Единственная возможность для большевиков удержаться у власти состояла в том, чтобы заключить мир. Они принуждены будут принять условия центральных держав, как бы они не были тяжелы»¹⁰.

Полемическая заостренность ленинских работ первой половины 1918 г. не могла скрыть главного — Советская Россия оказалась в одиночестве перед воюющими державами и в изоляции перед социалистическим движением Европы. Немногочисленные единомышленники большевиков в зарубежных странах служили важным аргументом партийной пропаганды, но не могли оказать сколько-нибудь существенной поддержки революционной диктатуре. То, что ее существование держится на волоске, было понятно и самим большевикам, и их могущественным и многочисленным противникам. В этих условиях нахождение «modus vivendi» со вчерашним врагом, а ныне высокомерным заступником — Германией — становилось залогом сохранения мирной передышки, ради которой Ленин и настоял на подписании Брестского мира.

И до, и после Бреста Ленин и его ближайшие соратники продолжали рассматривать Германию как следующее после России слабое звено в цепи мирового капитализма. Они ни на минуту не сомневались в том, что точку в мировой войне поставит очередной революционный взрыв, который на сей раз произойдет в Берлине. История советско-германских отношений весной осенью 1918 г. отвечает на вопрос о том, как большевики представляли себе дальнейший маршрут всемирной пролетарской революции и что они делали для ее приближения.

«Судьба осудила нас на одиночество, и мы пережили мучительную эпоху после Брестского мира», — говорил Ленин в первую годовщину Октября¹¹. Говоря об одиночестве, Ленин имел в виду не только отставание мировой революции, но и внешнеполитическую изоляцию Советской России. В подчинении германской военщине большевиков обвиняли все их политические противники в России и за рубежом.

Одному из главных большевистских экспертов по внешней политике Карлу Радеку приходилось неоднократно разъяснять: «Никакого союза с империалистической Германией мы не заключаем. Жертва империализма, платящая ему дань, не может с ним соединяться для порабощения других народов»¹². Помимо мирной передышки Брест обеспечил Советской России «окно в Европу», ибо в рамках договора было согласовано возобновление дипломатических отношений между обеими странами.

В конце апреля 1918 г. состоялся обмен посольствами. Над историческим зданием российского посольства на бульваре Унтер-ден-Линден взвился красный флаг. В Берлин отправился участник брестских переговоров Иоффе, который еще недавно был одним из идейных вдохновителей «левых коммунистов». Ленин в очередной раз показал себя гибким политиком, способным перешагнуть через прошлые разногласия со своими соратниками ради достижения общих целей в будущем. Иоффе отказался от титула посла, предложив именовать себя «полномочным представителем Российской Федерации»¹³.

На первый прием, организованный полпредством, были демонстративно приглашены левые социалисты, в том числе и находившиеся в тюрьме Карл Либкнехт и Роза Люксембург. Упомянувший этот факт английский историк Джон Уилер-Беннет, один из первых исследователей советско-германских отношений в 1918 г., сделал далеко идущий вывод: «Советское посольство превратилось в штаб-квартиру германских

⁹ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М., 2016, с. 500.

¹⁰ Гофман М. Указ. соч., с. 193.

¹¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 155.

¹² *Viator (Радек К.Б.)*. Международное положение. — Известия, 23.VIII.1918.

¹³ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 33, л. 94.

революционеров»¹⁴. Этот вывод на протяжении нескольких десятилетий был общим местом западной советологии, неизбежно появляясь в работах, посвященных Российской революции¹⁵. Архивные документы заставляют в значительной мере скорректировать его, ни в коей мере не подвергая сомнению особые отношения большевиков со своими немецкими единомышленниками.

После поражения в Первой мировой войне германские генералы в мемуарах наперебой утверждали, что пропагандистская деятельность советского полпредства стала одним из важнейших факторов развала фронта и краха кайзеровской империи¹⁶. Они как будто забыли, что в стране была военная диктатура, а любой политический протест пресекался самым жестоким образом. Советское полпредство не могло стать генеральным штабом германской революции еще и потому, что второй пункт Брестского договора предусматривал взаимный отказ сторон от враждебной агитации. Это было важной уступкой советской делегации на переговорах, ибо этот пункт давал серьезные аргументы для критики большевиков справа и слева. «Пресловутый параграф... железными цепями опутал революционную Россию, и на первый взгляд как будто бы лишил ее даже смысла существования», — Иоффе, которому принадлежат эти слова, подразумевал под последним продвижение вперед мировой революции¹⁷.

Вплоть до осени 1918 г. особых претензий к деятельности полпредства у властей Германии не возникало¹⁸. Иоффе признавал, что «принятие тактики передышки означало полный отказ от прежней революционной внешней политики; на международной арене Россия выбывала в качестве фермента революции»¹⁹. Это ставило внешнюю политику большевиков на новые рельсы: теперь она должна была стремиться прежде всего к отстаиванию интересов Советской России как суверенного государства.

В марте 1918 г. Ленин постоянно упрекал своих левых оппонентов в безосновательных надеждах на то, что развертывание германской революции автоматически разрешит внутрисоветские проблемы: «Либкнехт выручит потому, что он все равно победит»²⁰. Видя своими глазами реальную ситуацию в Германии, Иоффе был вынужден признать, что предложенное Лениным отступление оказалось единственно верным: «При всей создавшейся и созданной нами ситуации брестскую политику продолжать нельзя. Германская революция опоздала, вместо политики “ставки на революцию” у нас теперь политика “ставки на передышку”»²¹.

Весной 1918 г. главным, что заботило Кремль, была не грядущая пролетарская революция в Германии, а вопрос о том, разорвут ли немцы Брестский мир. Нарушая его положения, германские войска перешли демаркационную линию в Центральной России, оккупировали Крым и Донецкий угольный бассейн, требовали возврата судов, ушедших из Севастополя в Новороссийск. Ноты протеста наркома иностранных дел Г.В. Чичерина немцы, уверенные в своем военном превосходстве, попросту игнорировали. Попытки отдельных воинских частей на местах силой остановить немецкое

¹⁴ Уилер-Беннет Дж. Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии. М., 2009, с. 322. Первое издание книги появилось в 1938 г.

¹⁵ Пайнс Р. Русская революция, ч. 2. М., 1994, с. 299.

¹⁶ «Большевизм официально приветствовался в Германии, а Иоффе тем временем сумел так расшатать волю германского народа к войне, как это никогда не удавалось Антанте, несмотря на всю ее блокаду и пропаганду». — Людендорф Э. Указ. соч., с. 577.

¹⁷ Иоффе А.А. Германская революция, с. 36.

¹⁸ 5 июля 1918 г. военное ведомство сообщало в ставку Верховного главнокомандования, что «русское полпредство не замечено в пропаганде большевизма», если не считать его контактов с лидерами независимых социал-демократов. — Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes, Berlin (далее — РААА), R1726.

¹⁹ Иоффе А.А. Внешняя политика Советской России. С предисловием Ф. Меринга. М., 1918, с. 15.

²⁰ Советско-германские отношения от переговоров в Брест-Литовске до подписания Рапалльского договора, т. 1, с. 446.

²¹ А.А. Иоффе — В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, 8.VIII.1918 г. — РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2133, л. 59.

наступление встречали негативную реакцию большевистского руководства. «Противодействие перемирию крайне вредно в интересах Республики», телеграфировали 27 мая 1918 г. Ленин, Чичерин и Троцкий командарму Р.Ф. Сиверсу²².

В начале своего пребывания в Берлине Иоффе просто не видел условий для развертывания революционной работы. В одном из первых донесений полпреда общественно-политическая атмосфера в Германии описывалось в самых мрачных красках: «полная и неоспоримая победа военной партии... Россия для них не существует как сила, они даже не считаются с возможным ее военным возрождением в будущем», «считают ее уже своей собственностью»²³. Не лучше обстояло дело и на фронте классово-борьбы. Иоффе с сожалением отмечал, что немецкие социалисты, оглушенные громом побед германского оружия, изолированы от масс и не ведут подпольной работы. Участники первомайского приема в полпредстве из их числа лишь произносили «боевые слова, много хороших революционных фраз — на это немцы мастера»²⁴. Согласно данным берлинской военной комендатуры, на приеме присутствовали лидеры партии независимых социалистов (НСДПГ) Гуго Гаазе и Франц Меринг²⁵.

Даже если бы Иоффе на свой страх и риск решил заняться подготовкой германской революции, у него не нашлось бы достойных партнеров среди левых социалистов, находившихся на свободе. Признавая искренний пацифизм независимцев, советский полпред не видел в них лидеров, способных стать вождями будущей революции. Они «не мыслили себе резкого и решительного разрыва с буржуазным обществом вообще, с собственной буржуазией в особенности»²⁶.

Все сказанное не означает, что после Бреста Ленин и его соратники полностью отказались от революционной перспективы. Передышка (подобно нэповскому отступлению) подразумевала скорее ее выжидание, нежели деятельную подготовку. «Смешны потуги тех, которые стараются из меня выжать, сколько будет продолжаться передышка», отвечал Ленин своим оппонентам в марте 1918 г.²⁷ Вождь большевиков настаивал, что освобождение от брестского диктата придет только через революцию в Германии. Ее приход непредсказуем, но ее перспектива увязывалась с успешной агитацией среди социалистов и сознательных немецких рабочих. Это трудно назвать прямым «экспортом революции», о котором так много говорилось на протяжении XX в. Речь шла скорее о прорыве информационной блокады, о стремлении донести до заграницы правду о событиях в России так, как ее понимали большевики.

Агитационные материалы, печатавшиеся в Берлине под вывеской информационного агентства «РОСТА», регулярно отправлялись в нейтральные страны — Швейцарию и Голландию. Через советское полпредство «направлялись и поддерживались более десятка лево-социалистических газет» по всей Германии²⁸. Весьма восприимчивыми к большевистским идеям оказывались и военнопленные, возвращавшиеся на родину согласно условиям Брестского мира. Работой с ними занималась Немецкая группа при ЦК РКП(б), которую курировал Радек, официально являвшийся сотрудником Наркоминдела. В мемуарах политиков и генералов, равно как и в научной литературе, этот канал революционной пропаганды оценивается как самый действенный, особенно накануне краха Германской империи²⁹.

Весной 1918 г. Иоффе оказался едва ли не единственным посланником Советской России в странах Европы. Будучи весьма амбициозным политиком, давним

²² Ленин В.И. Неизвестные документы. 1891–1922. М., 1999, с. 238.

²³ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д.33, л. 103.

²⁴ Там же.

²⁵ РААА, R2037.

²⁶ Иоффе А.А. Германский пролетариат, с. 33.

²⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 33.

²⁸ Иоффе А.А. Германская революция, с. 36.

²⁹ Rathenau W. Politische Briefe. Dresden, 1929, S. 191, 195–200; Rosenfeld G. Op. cit., S. 177–180;

Уилер-Беннет Дж. Указ. соч., с. 323.

соратником Ленина и Троцкого, он не желал признавать первенство наркома иностранных дел Чичерина во внешнеполитических вопросах. Противостояние двух политических тяжеловесов на дипломатическом фронте порождало постоянные конфликты. Козырем Иоффе в борьбе с Чичериным стали его личные контакты с немецкими единомышленниками большевиков. 10 июля 1918 г. полпред писал Ленину: «Моя нелегальная служба комиссариата иностранных дел не касается, и в ней я даю отчет лично вам»³⁰. Особой формой поддержки революционно настроенных деятелей рабочего движения являлся отказ советских дипломатов в Берлине от контактов с лидерами «соглашательской» СДПГ, что должно было лишний раз подчеркнуть, на кого сделана ставка в Кремле³¹.

Даже если считать преувеличенными заявления Иоффе, что на русские деньги содержалось «более десятка лево-социалистических газет», инвестиции Советской России в Германскую революцию (пусть несопоставимые с денежным потоком, который шел в обратную сторону³²) с каждым месяцем увеличивались. К ноябрю 1918 г. на тайном счету полпреда находилось 22 млн марок; половина этой суммы была предназначена для поддержки немецких революционеров³³.

Среди 300 сотрудников полпредства немалую долю составляли местные социалисты, для которых посольская должность была прикрытием политической деятельности. В их числе были известные деятели будущей германской революции Эмиль Эйхгорн, Эрнст Мейер, Евгений Левине. Работа в полпредстве давала немецким левым не только стол и кров (некоторые оставались в доме на Унтер-ден-Линден ночевать), но и обеспечивала им личную безопасность. В здании полпредства они печатали брошюры и листовки, не опасаясь обысков полиции. Роза Люксембург в одном из писем из тюрьмы даже выражала озабоченность по поводу того, что занятые в полпредстве «спартаковцы» почти полностью отстранились от партийной жизни и находят время только для своих служебных обязанностей, «за исполнение которых им солидно платят»³⁴.

Взаимодействие большевиков и немецких социалистов летом 1918 г. не было уличей с односторонним движением. Лидеры группы «Спартак» отстаивали свое право на критику политики советского правительства. В отличие от Ленина, понимавшего неизбежность сепаратной договоренности с Центральными державами, они выдвинули лозунг «всеобщего мира». Чтобы достичь этой цели, рабочие Германии должны были по образцу Российской революции организовывать Советы, которым предстояло взять в свои руки государственную власть. Левые социалисты ставили перед трудящимися четкую альтернативу: «или должно погибнуть правительство, или германский народ неминуемо обречен на гибель... Только народная революция и народная республика в Германии могли бы в кратчайший срок привести нас ко всеобщему миру»³⁵.

Камнем преткновения стало неприятие немецкими социалистами «красного террора». Роза Люксембург пыталась объяснить происходившее в России «фатальностью», которая заставляла Ленина и его соратников все более отдаляться от марксистской доктрины³⁶. Впрочем, и самой «Красной Розе» приходилось наступать на горло собственной песне: из прагматических соображений она долго отказывалась от принципиальной критики большевиков. Когда же она решилась на критический анализ политического режима Советской России, написав в тюрьме брошюру «О социализме

³⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 27.

³¹ Иоффе А.А. Германская революция, с. 37.

³² Германия и революция в России, 1915–1918. М., 2013.

³³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 04, оп. 13, д. 1003, л. 15.

³⁴ Роза Люксембург – Юлиану Мархлевскому, 30.IX.1918 г. – *Luban O.* Op. cit., S. 292.

³⁵ Да здравствует всеобщая забастовка! На борьбу! – «Спартак» во время войны, с. 187.

³⁶ *Tych F. Drei unbekannte Briefe Rosa Luxemburgs über die Oktoberrevolution.* – Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1991, № 3, S. 360.

и русской революции»³⁷, то оставшиеся на воле соратники сделали все возможное, чтобы задержать выход этой брошюры в свет³⁸.

Открытое идейное размежевание с большевиками, о котором как о перспективе «третьего пути» писали в конце 1960-х годов западногерманские историки левой ориентации³⁹, летом—осенью 1918 г. не стояло для «спартаковцев» на повестке дня. Будучи интернационалистами, они видели главного врага в германском империализме, преступления которого стократно перевешивали ошибки ленинской партии. Их будет нетрудно исправить после того, как русская революция станет частью социального взрыва во всей Европе, к которому приведет мировая война.

Члены группы «Спартак» были хорошо знакомы с опытом нелегальной работы российских социалистов. Они отдавали должное их мужеству, но считали, что немецкие условия ставят в повестку дня иные формы и методы борьбы рабочего класса за свои права. Ставку левых социалистов Германии на широкие массовые акции в противовес формированию кадрового подполья в конечном счете поддержал и Иоффе, знакомый с реалиями немецкой политической жизни. В письме Ленину он почти извинялся за собственное инакомыслие: «Вы может быть скажете, что это меньшевистская отрывка, но я по-прежнему придаю гораздо большее значение широким политическим акциям, нежели той нелегальной работе, которую можно и должно делать в Германии, в Австрии и на Украине»⁴⁰.

Среди историков есть мнение, что заключение Брестского мира и «красный террор» в России обусловили заметное охлаждение отношений двух разновеликих союзников — большевиков и немецких левых социал-демократов⁴¹. Однако сколько-нибудь заметных отношений летом 1918 г. у них не было вообще, если не считать пересылки в Москву по дипломатическим каналам статей Клары Цеткин и Франца Меринга, которые затем публиковались в советской прессе⁴². Естественно, газета «Правда» печатала только те материалы, которые свидетельствовали о полной солидарности немецких левых социалистов с большевиками. Так, Франц Меринг ссылками на исторические примеры оправдывал заключение Брестского мира. Первоначально власти Советской России вели образцовую революционно-социалистическую политику, но международный пролетариат не пришел к ним на помощь. После чего им пришлось пережить свой Тильзит, но Советы удержали власть в своих руках и не сдают оппортунистическим лавированием завоевания пролетарской революции⁴³.

Книгу Карла Каутского «Диктатура пролетариата» Ленину привез нарком юстиции П.И. Стучка, который в сентябре 1918 г. побывал в Берлине, где выступал на конференции НСДПГ. По итогам переговоров с лидерами НСДПГ Стучка пришел к выводу, что они были и остаются убежденными пацифистами и «меньшевиками», сохраняющими веру в чистую демократию, когда пролетариат мирным путем завоеует ключевые позиции. Такой подход Каутского вызвал у Ленина крайне эмоциональную реакцию.

9 октября 1918 г. в «Правде» появилась первая из статей Ленина о «ренегате Каутском». В ней есть слова, которые не могли быть опубликованы в период брестской

³⁷ Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991.

³⁸ А.И. Балабанова — В.И. Ленину, 19.X.1918 г.: «Статьи Люксембург, отрицательно критического содержания, пока были задержаны в редакции и печататься не будут, ибо она, находясь, где находится, не в состоянии понять момента и положения в России». — РГАСПИ, ф. 5, оп. 3, д. 80, л. 2.

³⁹ Weber H. Demokratischer Kommunismus? Zur Theorie, Geschichte und Politik der kommunistischen Bewegung. Hannover, 1969.

⁴⁰ А.А. Иоффе — В.И. Ленину, 19.X.1918 г. — РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 51.

⁴¹ Кенен Г. Между страхом и восхищением. «Российский комплекс» в сознании немцев. 1900—1945. М., 2010, с. 181—182.

⁴² Цеткин К. За большевиков. — Правда. 12, 14, 15, 17, 18.V.1918.

⁴³ Иоффе А.А. Внешняя политика Советской России, с. 4.

передышки: «Было бы, конечно, приятнее, если бы мы простой войной могли бы свергнуть и Вильгельма и Вильсона. Но это бредни. Свергнуть их внешней войной мы не можем. А двинуть вперед их внутреннее разложение мы можем»⁴⁴. Идеологический спор Ленина с Каутским имел политическую подоплеку. Ленин ждал удобного момента, чтобы покончить с брестской передышкой, но для этого должна была либо закончиться мировая война, либо начаться германская революция. Очевидно, что вождю большевиков вторая перспектива представлялась гораздо предпочтительнее. Левые социалисты, с которыми Иоффе все еще «нянчился», оказывались в новых условиях уже не колеблющимися попутчиками, а прямыми конкурентами. Их идейное кредо, изложенное в работе Каутского, стало для Ленина моментом истины. В духе любимой поговорки «лучше меньше да лучше» он пошел на открытый разрыв с ними и сделал ставку на поддержку немногочисленной группы «спартаковцев». Их организационное оформление в Коммунистическую партию Германии (КПГ), как считали в Москве, было только вопросом времени: учредительный съезд КПГ состоялся в Берлине 30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г.

Оправляясь от ранений, полученных в результате покушения 30 августа 1918 г., Ленин имел больше времени для чтения иностранной прессы, которая приходила в Москву через советские дипломатические представительства в Берлине, Берне и Стокгольме. Эйфорию выздоравливающего вождя подпитывала крепнущая уверенность в том, что развитие событий в Европе идет по пути, предсказанному большевиками. Реагируя на сообщения телеграфных агентств, Ленин, все еще находившийся на лечении в Горках, потребовал от своих соратников немедленного созыва высших органов советской власти. «Международная революция приблизилась за неделю на такое расстояние, что с ней надо считать как с событием дней ближайших»⁴⁵. Дальнейшие события разворачивались с головокружительной быстротой⁴⁶. В ходе заседания ВЦИК, Моссовета и рабочих организаций столицы 3 октября 1918 г. солировали Радек и Троцкий, в самых радужных тонах изобразившие революционную перспективу Германии. Резолюция, принятая по итогам заседания 3 октября, оформляла завершение передышки, но в то же время не означала перехода большевиков в решающее наступление на мировой арене. Главной силой этого наступления провозглашалась грядущая революция в Германии.

В связи с революцией в Германии в руководстве РКП(б) царил поразительное единство и воодушевление. Даже если бы маршрут мировой революции оказался неподвластен большевикам, левый поворот октября 1918 г. укреплял как саму партию, так и ее позиции на фронтах гражданской войны. На фоне всеобщей эйфории едва слышно звучали голоса тех политических деятелей из лагеря большевиков, которых с большой долей условности можно назвать «государственниками». Они призывали Ленина использовать благоприятную ситуацию близкого разгрома Германии для того, чтобы пойти на компромисс с державами Антанты, стать участником мирных переговоров и таким образом уменьшить угрозу «крестового похода» империалистов против Советской России. Одним из сторонников такого подхода, как это ни парадоксально, оказался Иоффе, еще не так давно находившийся в лагере «левых коммунистов».

Дипломатическая работа в течение нескольких месяцев превратила его в прагматика, отставившего на второй план идеологические установки. Для достижения практических результатов ему приходилось ежедневно идти на компромиссы с властями Германии, что вызывало растущее недовольство в Москве. В конце июля 1918 г. дело дошло до острого конфликта. В ответ на предложение Иоффе не рвать отношений

⁴⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 109. Статья появилась в «Правде» 9 октября 1918 г. На следующий день Ленин потребовал через советские представительства за рубежом немедленно сделать ее перевод и издать отдельной листовкой. — Там же, т. 50, с. 187–188.

⁴⁵ Там же, с. 185.

⁴⁶ Ватлин А.Ю. Международная стратегия большевизма на исходе Первой мировой войны. — Вопросы истории, 2008, № 3, с. 72–82.

с бывшими союзниками России по Антанте Ленин устроил тому настоящий разнос, подчеркнув, что этот вопрос закрыт навсегда. Однако осенью 1918 г. полпред продолжал повторять, что нельзя сбрасывать со счетов такую внешнеполитическую комбинацию, как сближение с Антантой за счет Германии. Рано или поздно Германия должна была заплатить за унижения и геополитические потери Советской России. Уже после появления резолюции ВЦИК от 3 октября 1918 г. Иоффе бросил Ленину упрек: «Гипнотизированные близостью Германской революции, не слишком ли Вы недооцениваете всего остального?» В письме от 7 октября 1918 г. он настаивал на участии России в мирной конференции по итогам Первой мировой войны: «если Вы можете придумать другой способ, где мы могли бы выступить как революционная и революционизирующая сила, но как государственная сила, — я бы на этом не настаивал»⁴⁷.

Получив очередную порцию упреков за «дипломатничество», Иоффе подчинился ленинской линии и признал, что все его мелкие дипломатические успехи — ничто перед близившейся победой пролетариата. На какое-то время революционер вновь одержал верх над дипломатом. Полпред включился в нелегальную работу немецких левых социалистов, обсуждал с «революционными старостами» (представителями нелегальных фабзавкомов) подготовку вооруженного восстания в Берлине, предлагал вначале провести политическую забастовку для того, чтобы проверить соотношение сил в стране⁴⁸. Позже Иоффе оправдывался, что идею сближения с Антантой ему подбросили независимцы. Лидер НСДПГ Гаазе якобы говорил ему во время бесед в полпредстве, что «теперь вас никто другой спасти не может»⁴⁹.

Азбукой дипломатического искусства является выбор оптимального момента для присоединения к сильнейшей из воюющих сторон, чтобы с наименьшими затратами для себя воспользоваться плодами общей победы. Осенью 1918 г. для большевиков такая линия означала бы постепенный отказ от выполнения условий Брестского мира в сочетании с активизацией контактов в направлении Антанты. Но Ленин жестко выступил за равную удаленность Советской России от обеих коалиций, сведя тем самым к минимуму возможности внешнеполитического маневра. Следовало сосредоточиться на подготовке «последнего и решительного боя», ибо судьбы европейских народов будет решать не мирный конгресс, а мировая революция. С точки зрения Ленина, присоединение России ко «второму Бресту», который Антанта навязет побежденной Германии, могло принести тактические выгоды, но обернулось бы стратегическим поражением.

Иной сценарий революций в побежденных странах, подразумевавший утверждение в них демократических режимов, был неприемлем для Ленина и его соратников. Это означало бы, что уникальный шанс «скачка в будущее», который открыла для социальных низов мировая война, оказался упущен. Выступая на заседании ВЦИК, Моссовета и рабочих организаций столицы 22 октября 1918 г., Ленин был категоричен: политический переворот в Германии назревает не по дням а по часам. «Все говорят о том, насколько неизбежна народная революция в Германии, и что она может быть только пролетарской революцией»⁵⁰. При публикации этой речи в собраниях сочинений вождя большевиков издателями было внесено принципиальное изменение: Ленин якобы говорил не о неизбежности, а всего лишь о возможности пролетарской (т.е. большевистской) революции в Германии⁵¹.

Была ли реальной в тех условиях альтернатива, которую мы условно назвали «государственнической»? Для ответа на этот вопрос поставим сначала другой: чем

⁴⁷ АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 14.

⁴⁸ Иоффе А.А. Германская революция, с. 39.

⁴⁹ Там же, с. 37.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 7284, л. 3.

⁵¹ «Это говорят все, знающие положение дел: насколько неизбежна народная революция в Германии, а может быть, даже пролетарская революция». — Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 113.

обернулся бы для Советской России дрейф в сторону Антанты в октябре 1918 г.? Красная Армия, находившаяся в процессе становления и завязавшая в тяжелых боях на Восточном фронте гражданской войны, вряд ли смогла бы начать масштабное наступление против немцев с благословения Лондона и Парижа. Национальные силы в государствах, возникших на западных окраинах Российской империи и находившихся под германским протекторатом, меньше всего подходили на роль союзников большевиков. В 1919 г. они без долгих колебаний перешли под крыло Антанты, пополнив собой ряды «белого лагеря».

Разорвав Брестский мир еще до капитуляции Германии, советское правительство в лучшем случае могло бы рассчитывать на то, что его пригласят к участию в мирной конференции, как бы ни сложно было представить себе Ленина или Троцкого в Версале. Однако Россия, в процессе революционного развития потерявшая свои геополитические позиции, вряд ли могла рассчитывать на участие в послевоенном разделе добычи. Свидетельством тому является скромная роль Италии в ходе Парижской мирной конференции, которая оказалась в конечном счете «проигравшим победителем». Можно не сомневаться, что в новой системе международных отношений за большевиками вряд ли сохранили бы роль хозяина в собственном доме.

И наконец, то, что неустанно повторяли Ленин и Радек: возвращение Советской России в традиционную военно-дипломатическую колею означало бы превращение ее в вассала Антанты и подрывало бы революционный дух германского пролетариата. Таким образом, сближение с Антантой на исходе Первой мировой войны не принесло бы большевикам солидных внешнеполитических дивидендов. Они могли пойти на этот шаг, только перестав быть большевиками, распрощавшись со своей верой в близкую мировую революцию. Но именно с этой верой они победили в России и отдавать власть без боя не собирались. В то же время ленинская установка октября 1918 г. на то, чтобы «выждать» начала революции в европейских странах, и прежде всего в Германии, а потом уже помогать победившему пролетариату штыками и хлебом, не была простым рецидивом «левого коммунизма». России уже не отводилась роль жертвы или искры, призванной зажечь мировой пожар и сгореть в нем. Большевицкая Россия должна была стать примером, достойным для подражания, и союзницей будущих советских республик Европы. Как бы ни утопично выглядели взгляды большевиков к моменту первой годовщины их прихода к власти, в них уже проглядывали «государственные» черты.

* * *

Летом—осенью 1918 г. в Германии кризис на фронте и в тылу заставил правящие круги лихорадочно искать виновных в поражении рейха, чтобы самим уйти от ответственности. Началось складывание «легенды об ударе кинжалом в спину непобежденной на полях сражений кайзеровской армии»; в 1933 г. эта легенда привела к гибели первой германской демократии. Вильгельм II, перебравшийся из Берлина в ставку Верховного главнокомандования в Спа, возлагал вину за сложившуюся в его стране ситуацию на гражданских министров, которые упорно не замечали, что «русским посольством, совместно со спартаковской группой, уже давно в подполье энергично готовится большевицкая революция по русскому образцу»⁵². Кайзеру вторили его генералы: «Большевизм официально приветствовался в Германии, а Иоффе тем временем сумел так расшатать волю германского народа к войне, как это никогда не удавалось Антанте, несмотря на всю ее блокаду и пропаганду»⁵³.

23 сентября 1918 г. в министерстве внутренних дел Германии состоялось совещание заинтересованных ведомств, посвященное агитационной деятельности советского полпредства. После того, как военные и дипломаты перечислили список его

⁵² Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878—1918. М., 2007, с. 198.

⁵³ Людендорф Э. Указ. соч., с. 577.

прегрешений, стало очевидно, что их не хватит для сколько-нибудь значимых протестов на высшем уровне. В результате все ограничилось бюрократической рекомендацией «по возможности сосредоточить усилия на выявлении полезных материалов, которые могут быть использованы в качестве доказательной базы»⁵⁴. Советское полпредство, которое и ранее находилось в плотном кольце полицейских агентов, стало превращаться в осажденную крепость.

Никого в Москве не удивило сообщение Иоффе о том, что резолюция ВЦИК от 3 октября 1918 г. «вызвала озлобление в берлинских правительственных кругах» и навредила будничной дипломатической работе⁵⁵. Германские власти отказались от поставок в Россию оружия, активизировали свою помощь правительству гетмана Скоропадского на Украине. Изменился и тон официальной прессы: «Постепенно в газетах, сперва робко, как бы нащупывая почву, стали появляться какие-то недружелюбные для советского правительства выпады, которые чем дальше, тем больше принимали открыто враждебный характер.

Иоффе всячески пытался разъяснить, каким образом в Германии трактовали новую линию советского руководства: «Резолюция ЦИК была всеми (и в правительстве тоже) понята так, что мы готовим армию и продовольствие для того, чтобы помочь Германскому Пролетариату против Германского Империализма. Как ни стараюсь я доказать, что мысль была иная: поддержка германского победившего пролетариата против Антантовского империализма на случай продолжения войны с Антантой и после Германской революции, — мне не верят, говоря, что в резолюции этого нет»⁵⁶. Полемическая позиция советского полпреда не могла затушевывать сути резолюции, да в этом и не было особой необходимости. Ленин писал Иоффе 18 октября 1918 г.: «Я не против “дипломатничания”. Но значение его умалилось»⁵⁷. Доводы полпреда принимались во внимание, но не могли изменить восторженного революционного настроения в Москве. Обращаясь 22 октября к членам ВЦИК, глава советского правительства восклицал: «Большевизм стал мировой теорией и тактикой международного пролетариата!»⁵⁸

Ликовали по поводу краха германского империализма и в стане «спартаковцев». После долгого перерыва им удалось наладить выпуск листовок, в которых они призывали немецких рабочих к активным действиям, ссылаясь на опыт Российской революции. «Не ждите вашей свободы от сообщников и подручных буржуазии, не ждите мира от империалистических жуликов и хлеба от коршунов, терзающих ваше тело. Посмотрите на своих русских братьев!.. Из крови и слез взросло на Востоке солнце свободы и социализма, которое начинает пригревать своими живительными лучами и вашу напоенную кровью и слезами землю. Теперь русская революция может уже обещать вам свою помощь и поддержку. Она обещает их и сдержит свое обещание»⁵⁹.

Советские газеты с восторгом сообщали о нелегальной конференции «спартаковцев», которая состоялась 7 октября 1918 г. в Эрфурте. Тон сообщения Иоффе об этом событии (дата и место проведения конференции были изменены из соображений конспирации, на самом деле она состоялась 12 октября в Берлине) был совершенно иным: «С большим трудом мне удалось добиться их согласия подписать прокламацию, которую я написал и при сем прилагаю». Подготовленный советским полпредом документ появился в «Правде» 19 октября 1918 г. и был анонсирован как призыв самих немецких рабочих к революционному восстанию. Иоффе сокрушался: левые социалисты сосредоточили свою пропаганду на скорейшем достижении мира и совершенно не думают о подготовке вооруженного восстания»⁶⁰.

⁵⁴ РААА, R2037.

⁵⁵ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 41.

⁵⁶ А.А. Иоффе — В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, 21.X.1918 г. — АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 58.

⁵⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 195.

⁵⁸ Там же, т. 37, с. 114.

⁵⁹ Товарищи! Рабочие! Готовится новый обман. — «Спартак» во время войны, с. 203.

⁶⁰ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2134, л. 41.

В последние дни существования Германской империи в Берлин зачастили видные представители РКП(б). Причины для визитов были различными: лечение, проезд в сопредельные страны, экономические переговоры. Заместитель председателя ВСНХ РСФСР В.П. Милютин, находившийся в Берлине в середине октября 1918 г., писал Ленину о том, что в городском воздухе разлито чувство близящейся катастрофы⁶¹. Однако у рабочих нет достойных вождей, в организационном плане левые социалисты «производят жалкое впечатление». У них нет прочных связей с массами, их газеты выходят мизерными тиражами, им не удалось организовать ни одной демонстрации. Милютин предлагал отправить в Германию опытных подпольщиков Радека и Зиновьева, чтобы наладить революционную работу. Практически теми же словами описывала свои немецкие впечатления российско-итальянская социалистка А.И. Балабанова в письме Ленину 19 октября 1918 г. «Самое глубокое разложение есть уже давно свершившийся факт, самое радикальное выступление и переворот ждет только повода для взрыва. В том, что такое выступление будет иметь место в самом близком будущем, не сомневается уже никто»⁶².

В дни, когда Балабанова писала эти строки, протесты немецких социалистов вырвались на улицы Берлина. 16 октября 1918 г. по призыву НСДПГ перед рейхстагом прошла рабочая демонстрация, участники которой прошли по Унтер-ден-Линден до здания советского полпредства, где состоялся короткий митинг, разогнанный полицией. В своем донесении полицей-президент германской столицы подчеркивал, что среди демонстрантов были замечены сотрудники полпредства, а из его окон собравшимся махали красными платками⁶³.

Листовка «Спартак» сообщала, что «демократическое правительство обошлось с демонстрировавшими рабочими, как с преступниками! Оно дало приказ обнажить шашки, и кровь пролилась»⁶⁴. Берлинские рабочие требовали незамедлительного освобождения политических заключенных. Властям пришлось выпустить из тюрьмы левого социалиста К. Либкнехта, который для самых разных кругов германского общества являлся «персонификацией угрозы мировой революции»⁶⁵. После встречи на одном из берлинских вокзалов его буквально на руках донесли до здания полпредства. На следующий день, 23 октября 1918 г., там был дан банкет в честь Либкнехта, которого чествовали как будущего президента Советской Германии.

Несмотря на проведение первых массовых акций в Берлине, Иоффе на протяжении октября 1918 г. сохранял пессимистическое видение перспектив германской революции. С его точки зрения демонстрации социалистов являлись собой «неимпозантное», даже жалкое зрелище⁶⁶. Кайзер же и его окружение продолжали считать, что в рабочих протестах были «повинны лишь агитаторы и бунтовщики», за которыми стояли русские деньги и большевистские подстрекатели⁶⁷. 16 октября 1918 г. статс-секретарь В. Зольф (последний глава МИД в империи Гогенцоллернов) писал представителю своего ведомства в ставке Верховного главнокомандования: мы поддерживали

⁶¹ «Атмосфера напоминает октябрьскую. Правительство путем подачек и частичных уступок стремится размягнуть настроение. Но первый же случай, какая-либо демонстрация, забастовка или еще что-либо, на почве чего произошло бы столкновение — разожгли бы дело», — писал Милютин. — РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 1204, л. 3.

⁶² Там же, оп. 3, д. 80, л. 2.

⁶³ РААА, R2038.

⁶⁴ Рабочие! Пролетарии! — «Спартак» во время войны, с. 204.

⁶⁵ *Герварт Р., Хорн Дж.* Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 годы). — Война во время мира. Военизированные конфликты после Первой мировой войны 1917–1923. М., 2014, с. 65.

⁶⁶ «На мой взгляд, демонстрация была не импозантна; хотя участники считают, что было до 10 тыс. человек, но и они недовольны и тешат себя надеждой, что первый блин комом, а второй раз будет много лучше». — А.А. Иоффе — В.И. Ленину и Г.В. Чичерину, 17.X.1918 г. — АВП РФ, ф. 04, оп. 13, д. 990, л. 49.

⁶⁷ *Вильгельм II.* Указ. соч., с. 235.

с большевиками «корректные отношения», пока их действия сковывали военные силы Антанты. Сейчас же, когда мы переводим нашу политику на рельсы мира, возникает вопрос, не стоит ли изменить наш подход к большевикам, которые все поставили на карту германской революции. Об этом свидетельствуют демонстрации независимцев на Унтер-ден-Линден, митинги и братания на фронте. «Кажется, что только полный разрыв отношений сможет разорвать те нити, которые тянутся к нам из России»⁶⁸.

Зольф долго колебался и только с началом 29–30 октября 1918 г. восстания матросов в Киле счел необходимым стимулировать процесс разрыва дипломатических отношений. Дополнительным аргументом стало понимание того, что Германия проиграла войну и ее включение в единый антисоветский фронт, вероятно, смягчит условия будущего мира. Германские дипломаты надеялись на уступки Антанты, но итоги Парижской мирной конференции развеяли эти надежды⁶⁹. В мемуарах ключевых политиков и дипломатов подробно описана предыстория и последствия задуманной провокации, когда один из ящиков дипломатической почты советского полпредства «случайно разбился» и в нем были обнаружены листовки на немецком языке, призывавшие рабочих и солдат к революции⁷⁰. На следующий день, 5 ноября 1918 г., Иоффе был поставлен в известность о предстоящей высылке дипломатического персонала. Недельный срок на сборы оказался фикцией, менее чем через сутки советские дипломаты были под конвоем выведены из здания на Унтер-ден-Линден и посажены в специальный поезд, который направился на восток.

Выступая в Москве на VI съезде Советов в день выезда персонала полпредства из Берлина, Ленин так обосновал причину разрыва советско-германских отношений: «германское правительство превосходно знало, что в русском посольстве пользовались гостеприимством германские социалисты... И если теперь правительство делает этот жест, то не потому, чтобы что-то изменилось, а потому, что оно раньше считало себя более сильным и не боялось, чтобы из-за одного дома, заженного на улицах Берлина, загорелась вся Германия». Но даже столь недружественный шаг не поколебал жесткую позицию вождя большевиков по отношению к возможному сближению с бывшими союзниками: «Мы рассчитываем не на то, чтобы в союзе с хищниками стать такими же хищниками»⁷¹. Ленин сохранял ставку на близкую пролетарскую революцию в побежденных странах, считая, что только она не позволит державам Антанты начать ширококомасштабную интервенцию в России.

О том, чем обернется формирование единого антисоветского фронта для Германии, размышляли и в МИД рейха. Нужно было спешить, чтобы успеть обеспечить себе место на этом фронте. Зольф телеграфировал главе германской делегации в Компье Матиасу Эрцбергеру 8 ноября 1918 г.: «Сообщения из нейтральных стран позволяют предположить, что во Франции, Англии и Италии растет страх перед большевизмом и эта общая угроза будет содействовать заключению мира. Как сообщают, прежде всего в Англии сообщение о высылке Иоффе было воспринято с облегчением. Может быть, Ваше превосходительство сможет использовать эту новость в ходе переговоров о перемирии»⁷².

Высылка полпредства Иоффе лишила левых радикалов надежного тыла и небольшой финансовой подпитки, которые не играли особой роли в предшествующий период, но могли стать решающим фактором в критический момент революции. Поэтому противники «спартаковцев» в революционном лагере, лидеры СДПГ, противились возвращению в Берлин дипломатического представительства Советской России. Они

⁶⁸ Baumgart W. Op. cit., S. 406–407.

⁶⁹ Ватлин А.Ю. «Русский отдел» германского МИДа на рубеже 1918–1919 гг. – Исторический журнал: научные исследования, 2015, № 3, с. 377–385.

⁷⁰ Nadolny R. Mein Beitrag. Erinnerungen eines Botschafters des Deutschen Reiches. Wiesbaden, 1955, S. 62.

⁷¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 150, 155.

⁷² РААА, R19594.

нашли полную поддержку среди чиновников МИД, которые скорбели по поводу потери каналов надежной информации из России, но считали это обстоятельство меньшим злом по отношению к угрозе «большевистского переворота»⁷³.

Несмотря на высылку полпредства, большевистская угроза оставалась одним из центральных факторов, предопределивших дальнейший ход событий. О «половинчатости» германской революции писала не только советская историография, но и крупнейшие германские историки⁷⁴. Страх перед наступлением «красного хаоса», «мирового большевизма» сплотил генералов и дипломатов, умеренных социалистов и либеральных литераторов. Вернувшийся в ноябре 1918 г. в Берлин журналист и сотрудник германского посольства в России А. Паке записал в дневнике: «У города обыденный привычный вид, красных флагов немного... Если смотреть изнутри, то Берлин все же выглядит блестяще. Но я опасаясь, что через полгода здесь будет твориться то же самое, что и в Петербурге, да и вид станет такой же»⁷⁵.

Не имея силовых инструментов для подавления революционных выступлений, правящие круги Германии мобилизовали весь пропагандистский потенциал, накопленный в годы Первой мировой войны. Русский вопрос стал одной из центральных тем в идейных дебатах, сопровождавших германскую революцию. В бульварной прессе печатали леденящие душу воспоминания немецких военнопленных, вырвавшихся из «большевистского ада»⁷⁶. Общим местом стало утверждение, что участники рабочих демонстраций в Берлине получают деньги из кассы «Союза Спартака», а его руководящие деятели находятся на содержании у Москвы. Чиновники МИД напрямую и через разного рода «Лиги борьбы с большевизмом», появлявшиеся в революционное время как грибы после дождя, поощряли эти слухи, доводя общественное мнение до истерического состояния. Так, 14 января 1919 г. в стенах МИД появился прогноз, что наступающая на запад Красная Армия достигнет границ Германии через 8–14 дней, а обещающие поставки продовольствия обеспечит ей поддержку немецкого пролетариата⁷⁷. Верховное главнокомандование германского Восточного фронта было вынуждено признать разложение воинских частей под влиянием большевистской пропаганды, а также то, что реальной властью в них обладают солдатские советы. «Германская армия не является больше защитой восточных территорий. В наших силах только, опираясь на слабые добровольческие соединения, сдерживать натиск большевистского противника и вести более или менее организованное отступление. Остановить его мы уже не в состоянии»⁷⁸.

При всем радикализме своей пропаганды немецкие левые социалисты, включая «спартаковцев», так и не завоевали на свою сторону значительную часть рабочего класса. Они не смогли показать и доказать ему, что «русский путь» является единственным спасением революции. Не смогли, потому что сами не были в этом уверены, ибо не хотели отказываться от политического опыта, который был накоплен рабочим движением Германии в предшествующие годы. Полоса идейных конфликтов и организационных расколов на рубеже 1918–1919 гг. не только парализовала революционный лагерь в момент, когда силы «старого порядка» перешли в контрнаступление, но и предопределила печальную судьбу первой немецкой демократии. Высшей точкой разброда и шатаний левых сил стал даже не раскол СДПГ, а отказ Учредительного

⁷³ *Blücher W.* Deutschlands Weg nach Rapallo. Erinnerungen eines Mannes aus dem zweiten Gliede. Wiesbaden, 1951, S. 91.

⁷⁴ *Драбкин Я.С.* Ноябрьская революция в Германии. М., 1967; *Хаффнер С.* Революция в Германии 1918/19 гг. Как это было в действительности. М., 1983; *Винклер Г.А.* Веймар 1918–1933. История первой немецкой демократии. М., 2013.

⁷⁵ *Кенен Г.* Указ. соч., с. 171.

⁷⁶ Там же, с. 207–219.

⁷⁷ РААА, R19595.

⁷⁸ Телеграмма германского представителя в комиссии по перемирию Лерснера в МИД, 11.XII.1918 г. – РААА, R19594.

съезда КПП вопреки мнению Либкнехта и Люксембург принимать участие в выборах Национального собрания.

Вопреки надеждам Ленина и его соратников, германская революция остановилась на демократическом рубеже, который ассоциировался с российским Февралем. Разочарование в Москве не знало границ, став одной из движущих сил формирования партии «мирового большевизма» — Коммунистического Интернационала. Немецкий исследователь О. Лубан завершает свою статью выводом о том, что финансовая и организационная помощь большевиков «спартаковцам» не смогла привести их к власти в Германии, но стимулировала революционные настроения среди немецких рабочих. В конечном счете, она стала одним из факторов, приведших к краху империи Гогенцоллернов⁷⁹. Вопрос о соотношении денежного фактора с другими причинами русской и германской революций, как внутренними, так и внешними, на протяжении уже 100 лет занимает умы публицистов и историков⁸⁰.

Не вдаваясь в дискуссию по этому вопросу, следует все же признать, что силы и средства, затраченные ленинским правительством на поддержку своих единомышленников в Германии 1918 г., были весьма незначительными и не принесли ожидаемых дивидендов. Жизнь Советской России висела на волоске, и проекты «мирового масштаба» пришлось отодвинуть в сторону. Но «русский пример» в то время и не требовал особых инструментов для собственной пропаганды. Он был одним из вариантов выхода из социально-политического кризиса в странах-участницах Первой мировой войны, причем выходом, который при всех издержках доказал собственную жизнеспособность.

⁷⁹ *Luban O.* Op. cit., S. 298.

⁸⁰ См.: *Хавкин Б.Л.* Немецкие деньги для русской революции. Прodelки напополам с плутнями: драматургия большевистского театра. — <http://gefter.ru/archive/20890>